

Возмездие

18+

Сергей Шустов

Возмездие

«Автор»

2026

Шустов С.

Возмездие / С. Шустов — «Автор», 2026

Психологический триллер погружает читателя в атмосферу бурных 1980-х годов в Аргентине, где переплетаются судьбы фермеров, спецслужб и политических интриг. В центре повествования — история крупного землевладельца Ксавье Герреро, пытающегося сохранить семейное хозяйство в период экономического кризиса. Параллельно развивается линия тайной операции спецслужб, в которой участвуют хладнокровная исполнительница Селена и её напарник Гектор.

© Шустов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сергей Шустов. Возмездие.	5
Глава 2	7
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Шустов

Возмездие

Сергей Шустов. Возмездие.

Глава 1 Пролог

День убийства

— Чёрт, Селена, что с тобой не так? Мы же всё отработали? Что случилось? — кричал молодой мужчина, управляя «Мерседесом», который непривычно трясло на скорости по грунтовой деревенской дороге.

— Я... я... я не знаю... — повторяла молодая девушка, сидящая рядом. — Он меня схватил, я не ожидала.

— Всё, нам конец! — кричал парень. — Генерал нас уничтожит, мы провалили дело, это катастрофа! — Парень несколько раз ударил рукой по рулю.

— Всё сделали, всё сделали, цель ликвидирована, — с сильным волнением повторяла девушка. — Он мёртв, это главное.

— Главное? Он чуть не забрал твой пистолет, ты это понимаешь? Что было бы, ты понимаешь?

— Хватит, Гектор, хватит. Он мёртв, мёртв, — она сказала эти последние слова уже тихо.

— Это я его убил. Если бы я не успел подбежать? Что бы было? А? Молчишь, да? Молчи.

— Хватит орать на меня. Дело сделано, я сейчас всё доложу генералу, ты нажми на газ лучше.

— Я без тебя это знаю, — пылил парень. — Молись, чтобы генерал поверил, молись.

— Ты сам молись, если хочешь, свинья. Повредил мой костюм, — девушка смотрела на оторванную манжету. — Совсем новый был, силён же, скотина, хоть и старик.

Красный «Мерседес» на большой скорости летел в Россарио, не обращая внимания на ограничения скорости.

— Нам только полиции не хватало. Сбавь скорость, когда будем подъезжать к городу, — уже успокоившись, говорила брюнетка, даже посмеиваясь.

— Тебе смешно? Смешно?

— А что мне плакать? Я же сама попросилась быть исполнителем, у тебя забрала, а ты же так хотел, — она кокетливо погладила парня по голове.

— Убери руки, не мешай, — рывкнул он, но уже тихо. За время в пути он остыл и больше не кричал. — Я не очень-то и хотел быть исполнителем, ясно?

— А где тогда моё спасибо?

— Спасибо, Света, ты совсем дура, что ли?

— Я Селена, ты что, забыл? Конспирация.

— Помню. Генералу сама доложишь.

— Обязательно, во всех подробностях, — уже развязно отвечала она. — Расскажу, как ты доблестно пустил ему пулю в лоб, спасая меня от провала.

— Ты сумасшедшая, — парень рассмеялся вслед. — Нет, ты просто псих.

Машина спокойно проехала по городу и свернула на узкую улицу, где совсем не было машин.

— Бросим здесь, — парень заглушил мотор. — Дальше пойдём пешком.

— Тут пять кварталов, ты ближе не мог стать? У меня туфли.

— Не мог, выходи давай.

Подхватив попутчицу под руку и не обращая внимания на её недовольства, он потащил её за собой.

— Товарищ Суворов, — держа в руке длинный мундштук с тлеющей сигаретой, рапортовала Селена. — Задание выполнено, «башмак утонул». Я повторяю: «башмак утонул», как поняли?

— Понял. Ты что, по рации разговариваешь? Докладывай по делу, — резко прервал игривое настроение голос на другом конце.

— Виновата, — девушка встала и выпрямилась. — Всё прошло по плану, как я уже доложила, но только есть одно «но»...

— Какое?

— В «башмаке» пришлось сделать третью дырку. Не хотел тонуть. Да, нет, не я, Гектор сделал. Да, всё понимаю и беру полную ответственность, есть.

Девушка положила трубку.

— Ну, что сказал? — Парень в нетерпении стоял рядом, но ответа генерала не слышал.

— Сказал, что я красивая, а ты — Гектор.

— Может, хватит уже? Что он сказал?

— Сказал, что по головке нас не погладят за это. Будем лично всё докладывать в Москве. Пока отдыхаем и никуда не уезжаем.

— Ясно, — парень сел на край кровати. — И долго ждать?

— Пока мне здесь не надоест. А мне нравится, — игриво ответила брюнетка. — Я тебя уверяю, мой милый Гектор, нам за эту свинью медали дадут, особенно мне.

— Ага, догонят и ещё дадут.

Глава 2

За три дня до убийства.

— Что тебе, Ксавье? — спросила полная женщина, стоящая у прилавка в небольшом сельском магазине.

— Сегодня у меня внуки, — ответил пожилой седой мужчина лет восьмидесяти с приятными чертами лица.

— Я поняла, — Инэс расплылась в улыбке. — Возьми конфеты, вчера привезли.

— Возьму. Мороженое привозили?

— Ещё нет. Так ты же у нас раньше всех встаёшь — позже зайди.

— Ладно, давай, что есть.

Полная и довольно симпатичная женщина средних лет по имени Инес, которая вместе с мужем держала небольшой магазин в солнечном городе Хенераль-Лагос, принялась отсыпать конфеты в бумажный пакет.

— Ты сегодня просто восхитительна. Был бы я лет на сорок помоложе — обязательно бы приударил, — с улыбкой сказал пожилой мужчина, когда женщина повернулась к нему спиной.

— Ну вот ещё, — не оборачиваясь, ответила женщина. Было понятно, что эти слова ей нравятся. — Я же замужем, да и ты давно женатый человек, — уже со смехом проговорила она.

Насыпав килограмм с четвертью, она аккуратно завернула бумажный пакет и положила на прилавок.

— Что-то ещё?

— Да, хлеб, как обычно.

— Одну минуту. — Женщина наклонилась и достала откуда-то снизу завернутый в такую же бумагу хлеб. — Восемьсот песо.

Мужчина достал старый, повидавший разные события жизни бумажник, отсчитал и протянул деньги.

— Спасибо, Инес. — Мужчина отвернулся и направился к выходу.

— Никак за столько лет не привыкну к твоему акценту, — ответила женщина. — Привет Марии. Как её спина?

— Болит, — Ксавье на секунду остановился. — Вот зайду в аптеку ещё.

— Желаю ей скорейшей поправки.

— Спасибо, Инес, ты очень добра, — повторил мужчина и вышел из магазина.

Ксавье, в отличие от коренных жителей Хенераль-Лагоса, совершенно не походил на смуглых испанцев: его кожа была бледной, не рассчитанной на жар аргентинского солнца. Из-за этого мужчина носил светлые брюки свободного кроя и рубаху с длинным рукавом — они спасали кожу от жгучего пекла. Ксавье прибыл в Аргентину из далёкой Швеции много лет назад. К своему почтенному возрасту он сохранил яркий взгляд голубых глаз, острые черты лица, мужественный подбородок и острый орлиный нос. Он был одним из самых крупных фермеров в округе Санта-Фе.

Ксавье побрёл в аптеку. Шёл медленно: возраст давал о себе знать. Всё же не тридцать и даже не сорок и, к сожалению, не пятьдесят — уже не побегаешь. Суставы болели, да иногда так сильно, что хотелось кричать.

— Зря вспомнил, — Ксавье выругался и пошёл дальше. — Не думал о них — и не болели, а как подумал — вот тебе раз. Чёртова старость.

Он дёрнул ручку двери — аптека оказалась закрыта. Ксавье посмотрел на часы: восемь ровно. Посмотрел на витрину: «Работает с восьми». Дёрнул ручку ещё раз, постучал по стеклу — никто не открыл.

— Ладно, зайду позже. — Он переложил сумку с продуктами в правую руку и пошёл к дому.

В последнее время ему всё чаще казалось, что кто-то за ним наблюдает — будто следит. «Может быть, это смерть идёт по пятам и хочет меня к себе забрать?» — думал он, медленно шаркая ногами по земле и иногда поднимая жёлтую пыль.

Летний январский день только начинался, и вся Аргентина понемногу просыпалась. По улицам маленького города Хенераль-Лагос тарахтели трактора, двигаясь с полей и на поля, таская за собой бочки с водой, поливалки и прочую технику, необходимую для работы на земле.

Сам Ксавье всю жизнь в Аргентине выращивал пшеницу, подсолнечник и маис. Теперь, по старости, он медленно уходил от дел, неохотно передавая управление хозяйством сыну Риккардо. Тот проявил способности в сельском хозяйстве и с ранних лет помогал отцу на полях. В отличие от дочери Натальи, которая сразу заявила, что в земле ковыряться не станет. Как только ей исполнилось шестнадцать, уехала в Буэнос-Айрес на учёбу. Ксавье это не обрадовало, но делать нечего. От неё и так на полях толку не было: в детстве он ещё с ней боролся, но Наталья только делала вид, что помогает. Стоило отцу отвернуться — она сбегала домой к своим книгам. Ксавье помахал руками, поругался да и свикся: пусть учится, это её жизнь

Глава 3

Проходя мимо соседнего дома, Ксавье заметил молодого человека — не местного, но одетого как фермер. Тот смотрел очень пристально, но, как только их взгляды совпали, тут же опустил глаза.

— Доброго дня, — поздоровался Ксавье.

— Доброго, — ответил незнакомец с явным акцентом.

Ксавье пошёл дальше. Уже у самого дома навстречу ему прошёл ещё один незнакомый парень и даже не поздоровался.

«Чему вас только родители учат?» — пробурчал ему вслед Ксавье. Пройдя несколько шагов, он обернулся. Парень, шедший навстречу, подошёл к тому, кто стоял, и они пошли вместе, о чём-то разговаривая. Покачивая головой, пошёл дальше.

На пороге его встретила Мария:

— Всё купил? Скоро Риккардо привезёт мальчиков.

— Конфет купил, а мороженого не было — не привезли ещё.

— А зачем конфеты? Я же испекла пирог с вишней! — Мария показала на накрытую жёлтым полотенцем тарелку, стоявшую на окне.

— А если не станут есть?

— Что? Кто, скажи мне хоть раз, отказался от моего пирога? — Мария подняла брови и упёрла руки в пышные бока.

— Я шучу, *mi diosa* (моя богиня), — Ксавье поставил сумку на стол и крепко обнял жену.

— Ох,пусти *mi bárbaro* (мой варвар), — попыталась сопротивляться она.

Всю жизнь Мария была домохозяйкой, в поле никогда не работала. Только в годы большого урожая помогала при сборке, когда не хватало рабочих рук, — но такие годы случались нечасто. Сейчас от стройной темноволосой красавицы остался только пронзительный взгляд острых карих глаз из-под чёрных бровей. Красота, увы, сохранилась лишь на старых снимках.

Мария раздобрела от выпечки и больших порций еды, но сохранила лёгкую подвижность и быстроту движений. В деревне было принято есть много жирной пищи, да и готовить приходилось много и несколько раз в день — плюс прочие хлопоты по дому. Но Мария никогда не жаловалась на свою долю. Напротив, она была просто счастлива и рада этой спокойной и в целом счастливой жизни.

— Привет, мама, — на кухню зашёл Риккардо.

— Бабушка, бабушка! — Кристобаль бежал впереди отца и, словно в мягкий шар, упёрся в Марию, крепко обнимая её.

Мария наклонилась и поцеловала его. Следом подошёл Адольфо и, в отличие от младшего брата, сдержанно, без лишних эмоций, поцеловал бабушку в щёку.

— Мои хорошие, — она расплылась в улыбке. — Всем мыть руки и к столу. Надеюсь, они голодные? — Мария с лёгкой суровостью посмотрела на сына.

— Конечно, — вздохнул Риккардо.

— Вот и правильно. Сейчас будем есть.

— Где отец?

— За водой пошёл. Сейчас придёт.

Ксавье не спеша, чтобы не расплескать полные вёдра, подошёл к бочке в ванной и начал переливать.

В восьмидесятых годах в деревнях и даже маленьких городах Аргентины не было центрального водопровода.

— Дедушка, дедушка!

— Вот и нашёлся, — Мария звенела тарелками, расставляя их на столе. — Деда они, конечно, больше любят, — с лёгким огорчением сказала она вслух. — А всё потому, что он их совсем избаловал: всё разрешает, вот они и сели на голову.

— Мама, ну что ты начинаешь? Они вас одинаково сильно любят.

— Конечно, одинаково. Как же? — не останавливалась Мария.

В кухню зашёл Ксавье, держа под мышками внуков, которые отчаянно пытались освободиться.

— Отпусти их! — недовольно крикнула Мария.

Он послушно опустил обоих на ноги. Но дети уже вошли во вкус хулиганства и принялись кланчить, чтобы их покатали на тракторе.

— Никаких катаний, пока не поедите, — строго сказала Мария.

— Слышали бабушку? Быстро есть — и поедем кататься.

— Ура! — Оба быстро сели за стол, и Мария ловко положила в тарелки спагетти с красным соусом и мясным фаршем.

— Хорошо, что этого не видит моя жена, — сказал вслух Риккардо.

— Вот и тебе, — Мария положила сыну двойную порцию.

Риккардо с женой и сыновьями жил в соседнем доме, буквально в одном квартале. Ксавье и Мария очень хотели, чтобы после свадьбы Риккардо привёл жену в их дом, что он и сделал. Но счастливой общей жизни не вышло: две хозяйки на одной кухне никак не могли ужиться. Мария готовила много и очень вкусно, а Эстелла, жена Риккардо, придерживалась традиции питаться скромно и только полезно. Новое тогда слово «вегетарианство» только-только входило в моду. Когда Мария видела, как Эстелла и Риккардо едят «траву», она не могла смолчать.

— Я попрошу Ксавье — он вам на неделю сена принесёт, — язвила она. — Вы едите хуже, чем наши коровы, — добавляла в сердцах.

— Бабушка, мы всё! — сказал старший, Адольфо.

— Так, а у тебя, Кристобаль, пустая тарелка? — Мария подошла ближе.

— Всё! Мы пошли! — Ребята быстро соскочили со стульев и побежали к деду.

Ксавье и Риккардо были на открытой террасе рядом с кухней и разговаривали о работе. Вернее, Ксавье слушал доклад обо всём, что происходит на полях и в целом на ферме.

— Две поливалки и трактор сейчас в ремонте. В бригаде Хуана двое на больничном, у Диего работают все, — Риккардо замолчал и посмотрел на отца.

Ксавье сидел молча и смотрел вперёд. К своему возрасту старый фермер вывел формулу мудрости, как сам её называл: «Сначала мысль, а потом действие», и никогда не делал наоборот. Что это значило? Когда нужно было быстро ответить или принять решение — особенно в стрессовой ситуации, — он выждал паузу в несколько секунд. Мысли, которые приходили за это время, оказывались гораздо правильнее тех, что в момент стресса вертелись на языке.

— У нас заканчиваются удобрения. Из-за постоянных забастовок в городе и я не знаю, что мы будем делать в следующем году.

Ксавье повернулся, посмотрел на сына и, выждав небольшую паузу, спросил:

— Какой у нас запас?

— Аммиачки, мочевины и суперфосфата — около двух тонн, хлорки и тройного — примерно тонна. Нам не хватит на будущий сезон.

— И когда ты понял это?

— Что, это?

— Что нам не хватит, Риккардо? Когда ты понял это?

— Отец, весной у нас были хорошие запасы, но потом был перерасход и...

— Что? — оборвал его Ксавье. — Перерасход? На что?

— Я решил, что правильно будет распределить равномерно по всем хозяйствам, и разделил запас.

— Ты разделил запас и раздал удобрения по хозяйствам?

— Да, но я хотел...

— Дай-ка я угадаю, что было дальше, — перебил его Ксавье. — А дальше они начали друг у друга просить помочь с удобрениями в погоне за урожаем, так?

— Да, — Риккардо опустил голову.

— Так. Стоило мне уйти на покой — и всё пошло прахом. Значит, так: маис нам уже не спасти, урожай мы не получим. Этих удобрений теперь ни у кого нет, и никто нам их не продаст, даже если бы они и были. Поедешь и купишь инокулянта столько, сколько сможешь. Будем пытаться спасти пшеницу и подсолнечник. Ты всё понял?

— Да, отец. Прости, я не хотел...

— Как идёт сборка урожая?

— По плану, год выдался не самый урожайный и мы...

— Деда, деда, поехали в поле! — Оба внука повисли на руке Ксавье. Он молча встал, обнял их и пошёл с ними на задний двор.

Оба завизжали, увидев трактор. Ксавье подошёл к навесу, снял с гвоздя ключи, неспешно поднялся и сел за руль. Вставил ключ в зажигание и повернул. Трактор затарахтел, и откуда-то из-под колёс пошёл прозрачный, сизый дым.

Дети стояли рядом. Когда дед заводил трактор, им было строго запрещено подходить близко: за слушание поездки отменялась. Они терпеливо ждали, пока огромный зелёный монстр громко зарычит и добродушно позволит залезть на его большое и горячее туловище.

Ксавье медленно слез с трактора, взял под мышки старшего и поставил на ступень. Адольфо ловко уцепился за поручень и полез наверх. Следом он взял младшего и так же поставил на ступень. Кристобалю было тяжелее подниматься: он был ниже и слабее Адольфо, но, не желая показывать слабость, мальчик полез наверх, неловко цепляясь за поручень. Ксавье стоял сзади, готовый поймать внука, если что-то пойдёт не так.

Мальчики устроились по бокам от кресла. Ксавье сделал для них специальные сиденья и поручни. С тех пор как у него появилось много свободного времени, Риккардо стал привозить внуков всё чаще, а для них не было ничего интереснее тракторов. Тогда Ксавье взял инструмент, нашёл всё необходимое в сарае и смастерил места для внуков.

— Готовы? Крепко держитесь?

— Да! — в один голос закричали ребята.

Ксавье включил задний ход, и большое зелёное чудовище медленно покатилося со двора. Поле начиналось метрах в ста от дома, и трактор, неспешно заваливаясь с боку на бок, поплыл по ухабам и рытвинам. Дети заворожено смотрели по сторонам, ощущая себя взрослыми фермерами, которые объезжают свои владения.

Метрах в пятистах Ксавье заметил толпу рабочих, о чём-то громко споривших. Трактор подъехал совсем близко и остановился в нескольких метрах.

— Вот и хозяин, сейчас и спросим, — из толпы вышел работник и обратился к Ксавье:

— Хозяин, говорят, нам всем будут платить меньше. Это правда? — Он обернулся к толпе, и голоса хором его поддержали:

— Нет, мы не согласны!

Ксавье в недоумении заглушил трактор и медленно слез на землю. Толпа с лопатами и вилами двинулась к нему. Ксавье на секунду застыл, но с места не сдвинулся.

— Вам это кто сказал? — спросил он.

— Так это... люди говорят.

— Какие люди? Кто именно?

— Марко говорил вчера, — раздался голос из толпы.

Ксавье нахмурился. «Марко, значит?»

— А у Риккардо спросить вы сами не могли? Вместо этого стоите тут без дела, а поля кто будет обрабатывать? Я вам всем обещаю: зарплаты не снизим, никого не обидим.

— Так удобрений нет, — сказал кто-то.

— Удобрения будут. Риккардо вам всё расскажет сам. И ещё раз говорю: никто вам меньше платить не станет. Многие из вас знают меня десятки лет, и я никогда не обманывал. Все вы знаете, что моё слово — железо. Вот ты, Ибай, можешь сказать, что я когда-то не заплатил работникам? — обратился Ксавье к седому мужчине, который вышел к нему для разговора.

— Нет, хозяин. Такого никогда не было.

— Не было и не будет, по крайней мере пока я жив. Да, сейчас есть временные трудности, но это мои трудности, а не ваши, не вы не ваша семья никогда не будут голодать, вы слышите? Никогда, я вам это обещаю и если сейчас вы не пойдёте на работу, мы не соберём урожай и тогда действительно у нас с вами будут проблемы, если урожай погибнет. Посмотрите на наши поля, они полны урожая, так как ответьте мне я вам могу не заплатить, если наши поля полны? Кто мне ответит?

— Слышали, что сказал хозяин? Всем заплатят. Идите работать.

Толпа молча начала расходиться. Ибай посмотрел назад — за спиной уже никого не было — и подошёл ближе к Ксавье.

— Хозяин, это была не моя идея, но ты и сам знаешь: в стране протесты, люди боятся остаться без денег.

— В толпе может происходить только накопление глупости, а не ума, — тихо сказал Ксавье. — Слушай меня, Ибай. В стране кризис, и больше всего от него страдают крупные города. А мы — деревня. У нас всё своё, мы себя обеспечим. И никто, слышишь меня, никто не будет голодать. Мы здесь все друг за друга стоим и стоять будем.

Ибай опустил голову. Хозяин действительно всегда держал слово. И, несмотря на кризис, который уже не один год бушевал в стране, Ксавье платил работникам столько, сколько обещал, и всегда в срок.

— Хозяин, — Ибай замешкался. — Я... мне...

— Ну, говори же, — Ксавье смотрел на него пристально.

— Моя жена, Хуана, она совсем плохая. Нужны лекарства, а денег нет

— Не продолжай, — остановил его Ксавье. — Сегодня зайти ко мне, придумаем что-нибудь.

— Спасибо, хозяин, спасибо! Святая Мария одарит тебя своими дарами! Спасибо! — Ибай, растроганный таким ответом, ещё несколько секунд благодарил Ксавье, сотрясая его руку.

Дети, которые с открытым ртом наблюдали за происходящим и даже не испугались, молча смотрели, как дед серьёзно разговаривает с этими незнакомыми людьми.

— Ну чего рты раскрыли? Поехали дальше!

Трактор зарычал и двинулся с места.

Ксавье ехал медленно и думал, что за последнее время такие стачки работников стали обычным делом — и не только на его ферме, а по всей Аргентине. Работники всех сфер выходили на улицы и требовали отправить правительство в отставку и решить финансовые проблемы. За всем этим он наблюдал со стороны, слушая новости из столицы. Но в один день всё это стало реальностью и для его фермы: пару лет назад все работники не вышли в поля, и Ксавье целый час объяснял им, что бояться нечего, что он всегда платил и будет продолжать платить.

Он видел в этих забастовках чью-то гадкую руку: кто-то специально провоцировал рабочих, пользуясь их незнанием. Кто-то внутри его фермы, как он предполагал, пытается разрушить созданное за долгие годы. Найти вредителя стало просто необходимо. Ксавье для себя решил, что уйдёт от дел только формально, но продолжит внимательно искать эту мышь, кото-

рая, будучи мелкой и серой, грызёт колоски и не догадывается, что над ней уже кружит карающий ястреб. Как только он заметит её, то сразу упадёт камнем вниз — и пощады не будет.

Последнее время Ксавье часто задумывался о будущем фермы. Ведь если что-то пойдёт не так, эти с виду мирные работники сожгут и его, и всю его семью вместе с домом — их ничто не остановит.

Проезжая мимо полей, остановил трактор. Работники собирали урожай.

— Вот смотрите, — он показал рукой вперёд, — это всё когда-нибудь станет вашим, вы будете здесь управлять.

— Что и Кристоаль? — удивлённо спросил Адольфо.

— И ты и Кристоаль, это ваше наследство, — а знаете, что я этого всего чуть не лишился, хотите расскажу.

— Да, — тихо ответили оба.

— Для того чтобы выращивать столько урожая нужны огромные запасы удобрений, тонны.

— А тонны, это сколько? — спросил Адольфо.

— Вот видишь там гору? Так это ещё больше.

— Ого.

— Так вот, стали эти удобрения очень дорогими и услышал я как-то по радио о новых, современных удобрениях, которые назывались иннокулянты.

— Акулянты? — переспросил Адольфо.

— Иннокулянты, и поехал я в Буэнос-Айрес за ними, в один институт, там учёные, много учёных мне и рассказали о всех чудесах, которые творят эти новые добавки, я и купил, привёз и спас весь урожай.

— И что? Всё?

— Да, многие ведь остались тогда почти вообще без урожая, — грустно добавил Ксавье.

— Это скучно, — отметил скучающий Кристоаль, расскажи про драконов.

— Вечером, — вздохнул старый фермер, детям ведь невдомёк было знать, что такое голод, они не знали и слово такое, а он помнил и очень хорошо.

Ещё немного покружив по полям, направился к дому. Настроение как рукой сняло: от разговора с рабочими остался тяжёлый осадок, горький и вёдливый, будто на зубах скрипел песок.

«Кто же их баламутит? — думал он про себя, пока трактор неспешно катился назад к дому. — Кто та самая мышь?» Эти мысли крутились в голове, перекручивались снова и снова, цепляясь одна за другую, не давая отвлечься ни на пейзаж, ни на радостный гомон внуков.

Сегодня придёт Ибай — нужно у него всё узнать, вытрясти каждую мелочь, каждую обронтённую фразу. Положить этим слухам конец, найти и наказать зачинщика. Пусть знает: над его фермой не будут шутить, не будут раскачивать землю под ногами тех, кто на ней живёт и работает.

Глава 4

— Ты себя слышишь? На какой покой? — Эстелла, как и всегда, разговаривала с мужем на повышенных тонах. — Я это слушала ещё год назад, и что? Ты как был у него под контролем, так и есть.

— Не надо, не начинай, — Риккардо встал из-за стола на кухне и подошёл к раковине поставить чашку.

— Так я и не начинаю, это ты мне говоришь, что ты теперь хозяин. Посмотри на себя? Какой ты хозяин? Ты его игрушка, он тебя дрессирует, ничего не изменилось.

— Я сегодня отвезу детей.

— Вези, мне всё равно.

— Зачем ты так говоришь? Это же наши дети.

— Говорю, потому что ты мне уже надоел. Зря я вышла за тебя и детей родила зря, ты не муж, ты тряпка.

— Я стараюсь, — Риккардо крикнул, — стараюсь как могу, у меня не всё получается, мне нужна твоя поддержка, а её нет совсем.

— Ой, бедняжка, так беги к маме, она тебя утешит.

— Зачем ты так? У нас всё было хорошо, почему сейчас вот так?

— Потому что мне нужен мужчина, который сам может принимать решения, а ты не можешь? Он переписал на тебя поля? Нет. Он переписал на тебя ферму? Нет. Так кто ты, Риккардо? Ты его работник, не более того. Да, я вышла за тебя, думая, что сможешь сам, но нет, без отца ты ноль, ноль, Риккардо.

— Хватит, чёрт, хватит так говорить со мной.

— О, у нас голос есть. А где твой голос, когда ты с отцом разговариваешь? Ты ему сказал, что хочешь продать ферму? Сказал?

— Ещё не время, я поговорю.

— Конечно, наши дети вырастут, пока ты поговоришь. Неужели ты сам не видишь, что он тебе никогда не даст этого сделать? Он скорее сдохнет на этих полях, чем даст их продать. А работать на них будешь ты? А кто ты, Риккардо? Ты работник или хозяин? Ты определись уже.

— Поля мои, он отошёл от дел, я управляю.

— Ну да, — Эстелла устала от одних и тех же разговоров, которые вела с мужем уже несколько месяцев, но ему хоть бы что — что говори, что не говори, всё одно твердит, что он хозяин, что продавать не время. Надоело. — Знаешь, делай что хочешь, я тебе больше ничего не скажу.

— Ты так и будешь ничего не есть? — спросил он, глядя в тарелку с небольшой порцией салата.

— Тебе какая разница? Я держу форму, не то что ты.

— Это вредно, голодать.

— У тебя забыла спросить. Ты собрался отвезти детей, так давай, вези.

— Ты меня любишь? — спросил Риккардо.

— Раньше, может быть, сейчас не знаю.

— А я тебя люблю и всегда любил, ты знаешь это.

— Послушай, Риккардо, ты сначала себя научись любить. Почему ты не скажешь ему всё?

— Что всё?

— Вот опять, ты слышишь меня вообще? Он же держит тебя за шкуру, как котёнка. Ты жертва, Риккардо, и всегда ей будешь.

Он молча встал и пошёл за детьми.

— Мама, я хочу оставить детей на выходные, — сказал Риккардо, сидя за столом, пока Мария мыла посуду и наводила порядок на кухне.

— Ты же знаешь, мы с дедом только рады этому будем.

— Знаю, спасибо. Они такие сорванцы... У меня много работы, а Эстелла одна не справляется. Думаю нанять помощницу для неё.

— У меня тоже двое детей было, и ничего — как-то справлялась, — Мария не могла не уколоть едким замечанием, но Риккардо промолчал, понимая, что мама права.

Мария закрыла воду и повернулась к сыну: — У тебя с ней всё хорошо? Риккардо опустил глаза. — Так, рассказывай, — Мария сняла фартук и села напротив.

— Да что рассказывать... С тех пор как появились дети, всё стало совсем иначе. Особенно после рождения Кристобая. Мы стали как будто чужими. Она ведь не хотела второго ребёнка — это я настоял. И, как видно, зря. Теперь она меня попрекает тем, что набрала вес после вторых родов. Хотя какой там вес — она всего на пару килограммов поправилась. На пару, — Риккардо повторил последнюю фразу, повышая голос. — Она меня убивает своими диетами. А мясо, как ты знаешь, она давно не ест. А тут и зелень эту есть перестала. Говорит, что дети портят ей жизнь. И я теперь сам думаю: может, и не стоило их заводить?

— Нельзя так говорить! Дети — это дар божий, не всем даётся. И как у неё язык повернулся это произносить? — Мария всплеснула руками от возмущения. — Я же говорила тебе: не бери её, она не в своём уме.

— Мама, — Риккардо поднял глаза.

— А что «мама»? Я, как видишь, была права. Она всю душу из тебя вынимает. Как это — жить без детей? А зачем вообще жить? Скажи мне, зачем? Чтобы эту свою траву есть? А какой в этом смысл? Что она после себя оставит? Нет, ну это же надо такое сказать, что дети ей не нужны!

— Она не сказала, что не нужны...

— Сказала или нет — неважно. Она на тебя влияет так, что ты сам мне это говоришь. Риккардо, как ты можешь так думать?

— Мама, я так совсем не думаю. Но Эстелла... Я её люблю и всегда любил. Её мне мнение важно для меня.

— Её мнение? — Мария почти крикнула. — А у тебя какое мнение? Ты сам что хочешь от этой жизни?

— Я не знаю, — Риккардо задумчиво смотрел вперёд.

— То есть как это — ты не знаешь? А кто же знает, если не ты? — Мария уже не сдерживала голос.

Вся эта ситуация до глубины души растрожила обычно спокойную Марию. Она никак не могла молчать, слыша от единственного сына подобные вещи. Казалось, весь мир перевернулся в её голове. Все те ценности, которыми она жила всю жизнь и которые, как она считала, передала детям, для них самих оказались пустым звуком. Эта Эстелла, чтоб ей пусто было, говорит, что родные дети — ошибка, что они мешают. Чем? Мешают есть траву? Голодать мешают? Для чего она голодает? Для стройности? Для мужчин?

— Она тебя не любит, я давно подозревала и вышла за тебя непонятно зачем.

— Мама, не начинай, вот зачем? Не ты ли мне твердила, что нужно жениться?

— Я, но не на ней же.

— Я её люблю, и точка, давай больше не будем об этом.

— Ладно, не буду.

— Эстелла очень нервная. Мы бесконечно ругаемся, и дети всё это видят и слышат. В общем, я не знаю, что делать. Думал даже развестись.

— Что? Ты что такое говоришь? Как это — развестись? Вы что, смерти моей хотите? Не говори таких глупостей! У всех в жизни сложно бывает — и ничего, справляются. Вон у нас

с отцом сколько всего было — и ничего, справились. И ни разу мысли не было о разводе. Ты эти глупости брось. Сходи к преподобному Лукасу, покайся, спроси совета — он поможет.

— Обязательно, — Риккардо опустил голову, понимая всю безнадёжность подобных советов. — Она вчера назвала меня слабаком. Сказала, что я давно должен управлять фермой сам и не слушать отца.

— Она так сказала? — удивилась Мария.

— Она считает меня ничтожеством, как и отец.

— Но это вовсе не так, — принялась было защищать сына Мария, но тут со двора раздались голоса.

— Мы вернулись! — Адольфо с криком забежал на кухню, за ним неловким шагом догонял Кристобаль.

— Так быстро? Я вас только к обеду ждала! А дедушку где забыли?

— Он трактор ставит! — бодро ответил Адольфо. — Там люди были с вилами, но дед с ними поговорил.

— Какие люди? — Мария строго посмотрела на внука.

— Не знаю. Они у деда на полях работают.

С хмурым видом на кухню зашёл Ксавье и тяжело опустился на стул.

— Какие люди с вилами? Кто это? — Мария смотрела на мужа строго.

— Рабочие спрашивали про зарплату, — Ксавье тяжело выдохнул. — Кто-то их науськивает, кто-то мутит. Говорят, слух ходит, что мы платить меньше будем.

— Кто ж говорит такое? — спросила Мария.

— Не знаю пока. Но я выясню.

— Я сам выясню это, папа.

Ксавье поднял голову и пристально посмотрел на сына.

— Ты должен не решать уже существующую проблему, а не допускать её, — громко сказал Ксавье — так громко, что дети, которые о чём-то болтали, тут же затихли и посмотрели на деда.

Риккардо опустил глаза.

— Я не успеваю всё делать, отец.

— А ты успевай. Ты наследник, ты теперь на ферме главный.

— Перестань! — тут вступилась Мария. — Что ты его ругаешь? Сам каким был раньше — тоже не всё успевал, тоже трудно было, и работники бастовали. Но ничего, решилось. Сам сколько советов просил, и многие тебе их давали, ты помнишь?

Ксавье встал, махнул рукой и вышел из кухни.

— Ты на него не злись. Он как лучше хочет, — тихо сказала Мария.

Риккардо посмотрел на маму. Иногда она говорила очень правильные вещи. И только она одна могла приструнить отца, нрав которого к детям был очень суров. Он не давал им спуска, особенно Риккардо. С детства заставлял вникать во все сложности фермерской жизни — и Риккардо вникал, ему это нравилось. Но как только нужно было что-то важное решить, он тушевался и не делал шаг.

Когда-то давно, ещё на разделке мяса, один из работников угодил топором себе по ноге. Не опасно для жизни, но крови было так много, что работник заорал. Риккардо, стоявший рядом, просто смотрел на это, не двинувшись с места. Рядом, как назло, не было никого. Спустя несколько минут подбежал отец и начал помогать работнику: перевязал рану, наложил жгут. И, видя стоящего рядом Риккардо, крикнул:

— Ну, что ты стал как баба? Делай что-нибудь!

А Риккардо продолжал стоять в оцепенении. От вида этой раны ему сделалось не по себе, и холод, пробежавший по всему телу, обездвижил его, будто из него самого в тот момент

исчезла вся кровь, оставив неподвижное и холодное тело. Отец ещё не раз вспоминал ему этот случай. А у Риккардо в голове до сих пор звучала та фраза: «Ты баба».

— Спасибо, мама. У меня сейчас действительно всё сложно: с Эстелой и ферма теперь под моим контролем. И я не знаю, как это всё тянуть.

— Потянешь. И не такое тянули. Ты только не опускай руки. Отец отойдёт, и ты поговори с ним.

— Спасибо. Я должен идти. Вечером зайду ещё. Адольфо, Кристоаль, слушайте бабушку!

Дети не обратили на слова отца никакого внимания — они были заняты своими очень важными делами.

— Адольфо, Кристоаль! — раздался голос Ксавье откуда-то из середины дома. Дети тут же отвлеклись, бросили игры и помчались к деду.

— Ну что, будем играть в пиратов? — Ксавье стоял возле окна в пиратской треуголке.

— Да, да! — оба завизжали от восторга.

Ксавье снял треуголку и надел Кристоалью. Шляпа полностью, до самых плеч, спрятала его голову.

— Я буду грабить корабли! — закричал Адольфо.

— Прежде чем грабить корабль, его нужно построить. Кто со мной будет строить корабль?

— Я! — громко крикнул Адольфо.

— И я! — подтвердил Кристоаль.

Ксавье подошёл к дивану и снял подушки.

— Вот ваш корабль. Полезайте на борт.

Дети бодро забрались на огромный диван.

— Сейчас я буду строить, — с этими словами Ксавье пошёл к шкафу и начал доставать всё необходимое. Вокруг детей он поставил подушки, а потом накрыл их, как крышей, двумя одеялами.

— Вот вам пушки, — он приподнял одеяло и положил два валика цилиндрической формы из красной ткани. — А вот ваш флаг, — он воткнул между подушками палку с чёрной привязанной тряпкой.

— Ну что, пираты, вы готовы?

— Да! — хором закричали откуда-то из-под одеяла.

— А кем будешь ты? — показалась голова Адольфо.

— А я буду огромным осьминогом, который пытается утянуть ваш корабль на дно.

Он принялся шатать диван из стороны в сторону и грозно рычать, показывая всю силу огромного чудовища. Дети визжали от восторга. Через минуту такого шторма на палубе появился Адольфо с пушкой в руках.

— Я тебя уничтожу, злобное чудище! Бах, бах, бах!

— Ты отпугнул осьминога, но не убил его, — Ксавье отошёл на несколько шагов и начал ходить вокруг дивана, злобно рыча. — Сейчас я наберусь силы и потоплю ваш корабль.

Он медленно сделал ещё круг, обошёл диван с противоположной от Адольфо стороны и принялся опять трясти и двигать пиратский корабль. Мальчишки снова завизжали, и на палубе появился Кристоаль с пушкой.

— Бах, бах, бах! — почти в унисон закричали пираты.

— Вы победили чудовище, — Ксавье медленно присел и скрылся из вида за большим диваном.

— Ура! Мы победили чудовище!

Игра в пиратов продолжалась несколько часов. Они строили корабли, потом на них нападали, надевали старую одежду и притворялись великими мореходами. Богатая фантазия Кса-

вые в этих пиратских забавах не знала границ: он был осьминогом и гигантской акулой, слоном, китом и даже говорящим попугаем, который знал, где лежит пиратский клад. Они играли бы до самого вечера, но строгий голос Марии потребовал, чтобы все пираты срочно явились на обед. Она даже половником стукнула о крышку кастрюли, имитируя корабельный колокол.

После обеда, большую часть которого дети наперебой рассказывали бабушке о трудностях битвы с чудовищем, Ксавье уложил пиратов спать и пришёл на кухню. Мария налила ему вишнёвый морс.

— Ты вместо того чтобы ругать сына, давал бы ему дельные советы. У него и так всё непросто с Эстелой, а тут ты ещё...

— А что у него с Эстелой? — удивлённо спросил Ксавье.

— Говорит, отделились они совсем. Она нервная стала после рождения Кристобая. Повернулся же язык обвинить ребёнка! Я думаю, это она говорит так специально, а он повторяет. Где это видано, чтобы дети были помехой? Ну ничего, преподобный его наставит на путь истинный. А то вон чего удумал: говорит, разведётся. Ты представляешь? Мы как потом будем соседям в глаза смотреть? Стыдоба. Это он её слова повторяет. Эта Эстелла совсем не в себе. Не даёт ему нормальной жизни. Всё одно к одному: Наталья без мужа и без детей, и Риккардо теперь туда же. Вот почему он мне сказал, что не стоило бы и детей заводить? Вот откуда у него эти мысли? Всё от неё. Любит ведьму эту, а она им и помыкает, потому что ни во что не ставит. Не любит она его, да ещё и мысли какие ему внушает. Разве этому ты его учил? Если детей нет, то жизнь вся зря. Как они этого не понимают? Дети — это продолжение нашего рода. А что Наталья продолжит теперь? Кто её возьмёт в таком возрасте? О каких детях говорить можно?

Ксавье молча слушал, удивляясь новостям.

— Мы прилежные католики и останемся такими, что бы ни случилось, — Мария подошла к портрету святой Марии и поцеловала его. — А если дети им не нужны — мы себе возьмём. Ты хоть ему скажи: пусть делает, что хочет, а семью надо сохранить. Подумаешь, стала нервная. Вот уж смех. Я всегда говорила, что они не пара. Не пара, и как в воду глядела. Я тоже с двумя была и ничего — не была нервная. Да, тяжело приходилось: ты в поле, я на хозяйстве. Но так все живут, и они смогут. Подумаешь, трагедия какая.

— Я поговорю, — Ксавье встал и пошёл на улицу. — Пойду в аптеку. Утром мазь не купил.

- Дети же не глина — ни Наталья, ни Риккардо. Слепить из них то, что хочешь, не получится. Пусть сами живут: хотят — женятся, хотят — разводятся. Их жизни и их выбор. Но как об этом сказать Марии? - с этими тяжёлыми мыслями Ксавье брёл по улице пустой деревни. Было около половины третьего — на улице самое пекло.

— Сеньор Ксавье, я так рад вас видеть! Мне сказала Инес, что вы были утром, но, к великому сожалению, я не смог прийти вовремя. Простите великодушно. Вам нужна мазь? Вот, я уже приготовил.

— Спасибо, — Ксавье удивился, но не подал виду.

— Желаю Марии скорейшего выздоровления. Хотя в её годы о каких вообще болезнях можно говорить? Ей бы в театре, на балете выступать! Рецепт внутри.

— На балете, — Ксавье с улыбкой пошёл к выходу, на секунду представив свою Марию, которую держат над головой в поддержке трое крепких мужчин.

— Как ваше здоровье? Что-то беспокоит? — весело спросил аптекарь.

— Колени болят. Поясница иногда мучает.

— Так эта же мазь и вам подойдёт, — аптекарь сделал жест, показывающий, что эта самая мазь — то, что нужно.

— Благодарю.

— Вы выглядите превосходно, видно там, откуда вы родом, все такие же крепкие и подтянутые, — продолжал аптекарь.

— Не знаю, — буркнул Ксавье, выходя на жгучее солнце.

В последний год Ксавье стал раздражительным, злым на всех и вся. Любая мелочь могла вывести его из себя, и он с досадой ловил себя на том, что рывкает на близких, на работников, даже на внуков, хотя тут же и раскаивался.

Только Мария видела, что с ним происходит, и однажды дала ему самый верный совет — отойти от дел. В тот раз Ксавье чуть не запустил в неё чем-то тяжёлым. Как вообще могла прийти в голову этой «глупой бабе» такая мысль — чтобы он, Ксавье Герреро, отошёл от дел? Это звучало как оскорбление. Но время показало, кто был глуп на самом деле.

Мария не давила, говорила об этом редко и вскользь, но настойчиво. И после почти года уговоров он сдался и попробовал отойти в сторону. Оказалось, что это и было тем самым простым лекарством. Уже через месяц он снова стал таким же спокойным, каким был раньше. И только сегодня, после разговора с рабочими, он опять вышел из себя.

И Мария опять была права, когда попросила не ругать сына, а дать ему дельные советы по управлению. Новая роль теперь полностью устраивала Ксавье: пусть Риккардо учится справляться со стрессами. А он... он устал. Хватит, и так сделал максимум: купил дом, развил хозяйство, поставил ферму на ноги.

«Получается, я молодец», — с этой мыслью Ксавье пошёл домой.

Глава 5

— Дети ещё спят? — тихо спросил Ксавье у Марии, которая, казалось, и не покидала кухню — всё что-то готовила, шуршала посудой, двигала кастрюли. — Спят, не шуми. Есть хочешь? — Нет. Я мазь принёс. — Положи в холодильник.

Ксавье сел на стул и положил руки на большой дубовый стол.

— Звонили с телевидения, приедут фильм про тебя снимать.

— Какой фильм? Опять?

Несколько лет назад приезжал журналист с оператором и Ксавье дал большое интервью, показал ферму и дом. Пол дня провёл вместе со съёмочной группой. Фильм вышел, но самому Ксавье он не понравился, слишком там всё было идеально как-то, не как в жизни. И тут снова.

— Не знаю я какой, хороший фильм, о тебе.

— Почему ты не отказала им?

— Вот ещё, это же телевидение, когда они ещё приедут-то?

— И когда они приедут?

— На днях, ты же дома.

— Хорошо, а знаешь, — начал он медленно, будто каждое слово приходилось вынимать из себя по крупице, — я сегодня много думал о том, что было бы, если бы я тебя не встретил.

— А что б было? — удивилась Мария, не оборачиваясь, продолжая протирать тарелку.

— Ничего. Ничего бы этого не было. Ни Риккардо, ни Натальи, ни внуков... Я просто хотел тебе сказать: спасибо за всё.

Мария отложила полотенце, села напротив мужа и посмотрела на него пристально, без улыбки.

— Ты что, заболел? Не пугай меня.

— Нет. Но я сегодня об этом думал. Ты и дети — это всё, что у меня есть.

— А ты, я смотрю, к старости совсем сентиментальным стал, — в голосе Марии скользнула привычная ирония — Того и гляди расплачешься.

— Я серьёзно говорю. А ты...

— А я не привыкла к таким словам, — тихо призналась она. — Ты меня не сильно-то и баловал ими.

— Что было, то было, — Ксавье опустил глаза. — Я пытался наладить жизнь, поставить дело, поднять детей. Хотел, чтобы вы никогда ни в чём не нуждались. И в погоне за этим я не проявлял к тебе должной любви и заботы. Прости меня.

Мария всё так же молча смотрела на мужа. Потом встала, подошла, и он обнял её, крепко прижал к себе. На её щеках выступили слёзы, она не пыталась их прятать.

— Доброго дня, соседи! — внезапный голос разорвал эту тихую, хрупкую сцену. — Я гляжу, вы тут не скучаете.

— Заходи, Мартина, — Мария быстро смахнула оставшиеся слезинки и натянула на лицо привычную улыбку.

— Здравствуй, Ксавье, — женщина в годах подошла ближе. Они с Ксавье поприветствовали друг друга — прижались щеками и поцеловали воздух, как это принято у старых друзей.

— И тебе, Мартина, — Ксавье слегка улыбнулся этой весёлой женщине, которая жила в соседнем доме и вот уже лет двадцать захаживала к ним выпить кофе и поболтать с Марией.

— Пойду будить детей, — быстро сказал Ксавье, будто ухватившись за повод ускользнуть от женских разговоров, которые всегда казались ему невероятно скучными, хоть и родными по сути.

— Риккардо привёз внуков на выходные, Ксавье их развлекает. Завтра на рыбалку пойдут, — торопливо объяснила Мария, словно оправдываясь перед подругой.

— А я к своим завтра поеду, — ответила Мартина, опускаясь на стул. — София опять на работе допоздна...

Ксавье уже не слышал их беседу. Тихо подошёл к спальне и приоткрыл дверь. Оба «пирата» ещё спали: Адольфо уткнулся носом в подушку, Кристобаль свернулся клубком, поджав коленки.

— Адольфо, вставай, — Ксавье медленно сел рядом и слегка потрепал внука за плечо.

— Что, уже пора на рыбалку? — неохотно пробормотал Адольфо, приоткрывая один глаз.

— Нет, на рыбалку завтра.

— А егодня ещё не кончилось?

— Нет, ещё нет, — с улыбкой сказал Ксавье. — Вставай и буди брата.

Адольфо медленно поднялся, протёр глаза и пошёл к Кристобалью.

— Кристобаль, вставай, пойдём играть! — позвал он. Младший с ещё большей неохотой оторвался от подушки и сел, шурясь от света.

С тех пор как Риккардо и Наталья покинули родительский дом, Ксавье переделал их комнаты и объединил в одну большую детскую. Там теперь стояли две кровати, два стола и шкафы для игрушек.

— Встали? Быстро умываться, пить чай — и поедем кататься, — скомандовал Ксавье.

Дети, толкаясь и хихикая, помчались в ванную.

— Не балуйтесь! — строго сказал Ксавье, входя в ванную и видя, как мальчишки брызгают друг в друга водой. — Быстро на кухню!

Дети с визгом выскочили, а он медленно пошёл за ними.

— Вот я и говорю, не нужно это... — донёсся из кухни эмоциональный голос Мартины, которая допивала уже вторую чашку кофе.

Ксавье уловил лишь обрывок фразы, не поняв, о чём речь, да и не хотел вникать. Дети уже сидели за столом, а Мария достала конфеты, которые утром он купил в лавке.

— А тебе морс, — она поставила кружку перед Ксавье, едва он успел сесть. — Чем займётесь?

— Поедем на ферму, смотреть наших коров, — ответил Ксавье.

— Коров? Но они скучные! — возмутился Адольфо. — Поехали лучше в зоопарк!

— Да, хочу зоопарк, — повторил Кристобаль, старательно выговаривая длинное слово.

— Нет, в зоопарк в другой раз. А сегодня — коровы, — твёрдо подытожил Ксавье. — Допивайте чай, а я пойду трактор заведу.

Он встал и направился к выходу.

— Я с тобой! И я! — дети побросали конфеты, недопитый чай и бросились следом.

— Тихо, тихо! — Мария едва успела увернуться от Кристобая, который уже мчался к двери, воображая, что сам заведёт огромный трактор. — Вот сорванцы... Ксавье, ты аккуратней с ними! — крикнула она вдогонку и повернулась к Мартине, которая что-то рассказывала.

Глава 6

— Хватит уже, надоел, — брюнетка держала в руках «Берсу», проверяя патроны, — пах, — она направила пистолет на Гектора.

— Совсем сдурела? — он оттолкнул её руку.

— Я шучу, ты что, не понимаешь шуток?

— Ты вообще понимаешь, куда мы едем? Что нам нужно сделать?

— Не хуже тебя, я же буду исполнять, — ехидно ответила брюнетка.

— Это меня и пугает.

— А ты у нас такой пугливый, да?

— Перестань, ты всё проверила? Ещё раз по плану: ты звонишь, ждёшь, говоришь, что с телевидения, он подходит, ты стреляешь, ясно?

— Да, товарищ, — брюнетка взяла под козырёк той рукой, в которой был пистолет.

— Пф, — выдохнул Гектор, держа руль, — как генерал тебя выбрал?

— Я лучшая, ты не знал?

— Ну да, лучшая, — повторил Гектор.

— И красивая, я тебе нравлюсь?

— Прекращай, подъезжаем.

Как по команде брюнетка стала очень серьёзной и собранной.

— Пожелай мне удачи, — она открыла дверь и вышла из машины прямо напротив калитки дома, подошла и позвонила. Через несколько минут на пороге появился седой мужчина и, держась рукой за поясницу, пошёл к калитке.

— Ксавье Герреро?

— Да, это я.

— Мы с телевидения, приехали снимать фильм о вас.

— В такую рань? — удивился мужчина.

— Да, к сожалению, у нас мало времени, я знаю, что фермеры встают очень рано, мы можем войти?

— Да, конечно, — старик открыл калитку, которая оказалась незапертой, и жестом пригласил войти.

— Наконец-то я могу посмотреть тебе в глаза, — брюнетка выхватила пистолет и направила на мужчину.

— Что? — в недоумении ответил Ксавье, не поняв, что вообще происходит.

Бах-бах — тишину деревни оглушили выстрелы, но они не попали в сердце, старик был жив.

— Ах ты, — он схватил брюнетку за пиджак и попытался притянуть к себе, она оттолкнула в надежде быстро выбраться, но не получилось. Старик начал медленно оседать, всё так же крепко держась за пиджак, и тут его рука ухватила её за рукав, и он резко дёрнул руку.

— Что ты стала? — Гектор резко оттолкнул Ксавье, который упал назад и начал хрипеть, из окровавленной груди шла кровь. Мужчина достал пистолет, сделал шаг вперёд и выстрелил точно между глаз, старик сразу затих.

— Я, я, я сама должна... — пролепетала брюнетка.

— Пойдём, быстрее, — Гектор схватил её и потянул быстро за собой, открыл дверь и запихнул в салон. Машина резко сорвалась с места, подняв густую придорожную пыль.

Глава 7

За два дня до убийства.

— Деда, а почему они такие грустные? Они разве не счастливы? — спросил Адольфо, стоя перед деревянной изгородью. Вдали бодрые всадники на скачущих лошадях загоняли коров с пастбища.

Вопрос поставил Ксавье в тупик: он никогда не думал о том, грустны ли коровы. Для него они были прежде всего мясом и молоком. «И правда, с чего тут радоваться, когда не знаешь, сегодня тебя поведут на убой или завтра? Но у них судьба такая, что поделаться», — пронеслось у него в голове.

Когда-то его стадо насчитывало больше тысячи голов и считалось крупнейшим в Хенераль-Лагос. Молодой фермер взял кредит и построил сначала молочную, а потом и мясную ферму — и уже через пару лет они себя окупали. Дела шли отлично: мясо поставляли по всему северу, и Ксавье мечтал стать крупнейшим поставщиком говядины в стране. Но гиперинфляция середины восьмидесятых всё сломала: цены на мясо взлетели, и стало ясно, что перспектив почти нет. Нехотя он начал сокращать поголовье и переключился на сельское хозяйство.

«Может, у Риккардо получится выйти на мировые рынки или как-то иначе наладить животноводство... А я уже не хочу добиваться сверхрезультата. Да и зачем? Сколько этой жизни осталось? Что я видел, кроме полей? Только Буэнос-Айрес. Даже в океане ни разу ноги не намочил — только с палубы корабля, на котором приплыл из Европы...» Эти мысли уже несколько лет крутились в его голове. Раньше казалось, что всё это перейдёт к детям. Но Наталья уехала, ей не нужны ни поля, ни деньги отца. Оставалась надежда на Риккардо: он способный, ему не нужно начинать с нуля, надо лишь усиливать существующее.

Ксавье столько всего преодолел сам, столько опыта накопил, что его хватило бы на сто поколений. А у Риккардо этого опыта нет. Он давно в деле, наблюдал, как отец ведёт хозяйство, но одно дело — наблюдать, другое — вести самому: принимать большие, иногда непопулярные решения, отвечать за свои поступки и получать от судьбы затрешины за последствия этих решений. Мысли, приходившие Ксавье в последнее время, были вроде бы правильные, но отчего-то очень тоскливые. А что именно вызывало эту тоску, он пока не понимал.

— Ай, она меня языком поцарапала! — крикнул Адольфо, отдёргивая руку.

— Она тебя облизала, только и всего, — со смехом сказал Ксавье. — Теперь все будут знать, что Адольфо облизала корова.

— А вот и нет, — огорчённо пробормотал мальчик.

— Адольфо съела корова! — ехидно выкрикнул Кристоаль и тут же получил по уху.

— Деда, он дерётся! — хмыкнул младший, потирая ухо.

— А ты его не обзывай, он и не будет.

Адольфо показал на большой вытянутый дом с жёлтыми стенами и черепичной крышей:

— А что там? И почему корова не хочет туда идти?

Вдали двое парней тянули на верёвке молодую корову: та упиралась и громко мычала. В фургоне стояли другие животные — они высунули головы и крутили ими по сторонам, будто осматривались и готовились к побегу.

— Любое проявление жалости может стоить жизни, — тихо пробормотал Ксавье.

— Что? — не понял Адольфо.

— Я вам когда-нибудь расскажу, — хмуро ответил он. — Потом вы всё узнаете.

Был уже восьмой час, когда Ксавье с мальчиками приехали домой.

— Добрый вечер, хозяин, — Ибай встал, приветствуя Ксавье.

— Сейчас, Ибай. Мария, помой детей, мне нужно поговорить.

Мария молча взяла мальчиков за руки и увела в глубину дома.

— Я слушаю, говори, — повернулся Ксавье к Ибаю.

— Моя жена... — Ибай замешкался, подбирая слова. — Она очень больна.

— Что с ней?

— У неё нашли опухоль в почке. Врач сказал, что времени мало, нужны деньги на операцию, а у меня нет...

— Сколько нужно? — перебил Ксавье.

— Пятьсот тысяч... Откуда у меня такие деньги?

— Сейчас подожди. — Ксавье встал и пошёл в спальню. Вернувшись, протянул пачку купюр. — Здесь триста пятьдесят. Больше пока нет. Возьми — этого, думаю, хватит, чтобы сделать аванс. В конце месяца я приготовлю ещё.

Ибай не поверил своим глазам:

— Это мне?

— Тебе, — вздохнул Ксавье. — Точнее, Хуане. Мы все будем за неё молиться. Всё будет хорошо.

— Я не знаю, как вас благодарить, хозяин... — Ибай упал на колени и обхватил ноги Ксавье.

— Ты что это? Брось, встань быстро! — Ксавье не ожидал такой реакции. — Нет, я не могу встать.

— Вставай и прекращай это. Мы с тобой старые друзья, а друзья должны друг другу помогать, слышишь?

Ибай плакал, стараясь не смотреть в глаза:

— Я до конца жизни вам обязан, хозяин. Я всё отработаю, всё до последнего песа, клянусь.

— Прекрати. Ты и так работаешь за двоих. Хочешь работать за троих? Побереги себя для Хуаны — ей сейчас как никогда нужна твоя помощь. Скажи лучше, кто заводит у работников? Кто пустил слух, что я не могу платить зарплату?

— Я... я не могу, я обещал... — замялся Ибай.

— Что обещал? Кому?

— Это Риккардо... Это он сказал.

Ксавье удивлённо посмотрел на него:

— Так, что именно?

— Он сказал, что сейчас трудные времена и нужны деньги, нужно экономить. Ещё что-то умное, я не понял... — добавил Ибай у двери.

— Это всё, что он сказал? — Ксавье смотрел очень внимательно. — Вспомни всё точь-в-точь.

— Так вот я и сказал, ровно как Риккардо. Ничего не упустил. У меня цепкая память. Он ещё сказал слово, но я его просто не знаю, поэтому и не запомнил.

— Ох, Ибай, ну и напугал же ты меня...

— Я? Как это?

— Риккардо сказал правду: сейчас кризис, и нужно экономить. Но зарплаты никто уменьшать не будет. Мы будем оптимизировать расходы — снижать их не в ущерб зарплатам. Мы поднимем цены на нашу продукцию, используем лучшие сорта маиса и сои, перейдём полностью на инокулянты, будем улучшать пастбища, управлять выпасом, постепенно обновим тракторы и сеялки, увеличим механизированную уборку, купим больше механических доильных аппаратов, улучшим ветеринарный контроль и многое другое. Пойми: мы сделаем всё, чтобы сохранить рабочие места и не снижать зарплаты. Ты меня понял?

— Я всё понял, хозяин. Вы мне объяснили понятным языком. Благодарю вас, — Ибай снова попытался упасть на колени, но Ксавье удержал его.

— Ступай, Ибай, ступай.

Ибай ушёл, а Ксавье обхватил голову руками и сел на стул.

«Эх, Риккардо, молод ещё управлять, надо учиться. Когда Ибай сказал про Риккардо, я на секунду подумал: неужели та самая мышь — это мой родной сын? Не может быть. Зачем? Но, судя по словам Ибая, Риккардо, не имея опыта, просто, как смог, своими словами пытался донести до работников правду. Ничего действительно плохого не было сказано. А может, и нет никакой мыши? Может, сам Риккардо, не подозревая этого, пытаюсь объяснить работникам положение дел, внёс в их головы эту гадкую информацию? Он мог, сам и не понял, видно. Вот его и не выдавали, чтобы не уволили. Сами работники покрывали Риккардо, рассказывая друг другу уже искажённую версию правды: мол, хозяин сам сказал, что ферме конец, но он боится гнева Ксавье, поэтому нужно молчать. Получается, я и сам в этом виноват? Дал сыну власть, а он под страхом моего гнева всё объяснил работникам настолько плохо, что и сам не понял этого. Скорее всего, объяснил слишком сложно и непонятно. Работники — люди простые, институты не заканчивали. Они услышали ровно то, что смогли понять: денег нет, удобрений нет, работы нет. Это обрывки фраз, вырванные из контекста, но работникам этого хватило, чтобы посеять панику. Им нужно было всё объяснять понятным языком, без сложных оборотов. Можно сказать: „Денег нет, удобрений нет, но это временно, они будут“. А можно сказать иначе: „Мы оптимизируем расходы и ведём работу для повышения урожая“. Разница ровно в том, чтобы избежать слов про отсутствие денег и работы. Работники чётко понимают „нет денег“, а остальное им уже и не слышно. Вот как оно вышло. Никакой мыши нет. Риккардо и есть мышь». Ксавье даже улыбнулся, приняв это открытие.

В момент, когда нужно было объяснить Ибаю меры борьбы с кризисом, Ксавье очень быстро выдал целую стратегию. Вот что значит уметь решать задачи в моменте.

«Надо всё записать», — подумал он.

— Что записать? — Мария вошла на кухню.

— Мысли, Мария, мысли.

— Зачем Ибай приходил?

— Хуана больна, серьёзно. Я дал денег, много.

— Ох... — заохала Мария. — Как же это? Что с ней?

— Не знаю точно, — соврал Ксавье, чтобы не огорчать впечатлительную жену.

— Денег дал — это правильно. Ты большой молодец. Кто кроме тебя ему поможет? Его дети бедны, как и он. На тебя только и надежда. Ну, дай бог и святая Мария не оставят их в беде.

— Зови детей на ужин, — сказала Мария.

Ксавье встал и пошёл в детскую. За столом дети рассказывали бабушке про корову с шершавым языком. Мария только посмеивалась. После ужина Ксавье велел детям идти в комнату и ждать его. Каждый раз, когда внуки оставались у них, он рассказывал им на ночь сказку — всегда новую, никогда не повторялся.

— Вы готовы услышать историю?

— Да! — хором ответили оба.

Ксавье взял стул в углу тускло освещённой комнаты и сел между двумя кроватями.

— Было это так давно, что никто уже и не помнит, где именно и когда это происходило. В тех далёких краях, где снег лежит круглый год и никогда не бывает лета, в тех глухих местах, куда могут пробраться только олени и зайцы, жил в старой избушке один волшебник. Жил он там уже двести лет, жил один...

— А почему он волшебник? — не удержался Кристоаль.

— Вот слушай и узнаешь. Не было у него ни жены, ни детей, только снег кругом, на многие километры вокруг. И приходили к волшебнику звери разные: волки, зайцы и медведи. Он их кормил и расчёсывал скомканную шерсть. И вот однажды пришла к его дому раненая косуля и постучала в дверь. Волшебник вышел на улицу, осмотрел рану, завёл косулю в дом и перевязал лапу. А косуля ему говорит: «Я не простая косуля. Меня заколдовал злой волшебник

Трибузан, потому что я не согласилась стать его женой. Он наложил на меня мощное заклятие и обратил в животное. А разговаривать я могу только с волшебниками: обычные люди меня не понимают. Я пришла к тебе издалека: пятнадцать лет я искала тебя и только сейчас нашла».

Волшебник задумался.

— И что же ты от меня хочешь? — спросил он.

Тихий сап детей прервал рассказ. Ксавье медленно встал и поправил одеяло на Кристо-бале, а затем и на Адольфо. Дети никогда не дослушивали сказку до конца. И сейчас, когда началось самое интересное, они уснули. А что именно было интересным, Ксавье и сам не знал: он сочинял сказку на ходу, смешивая в голове разные сюжеты из древних легенд, фильмов и тех сказок, которые когда-то рассказывала ему бабушка. В своих сказках он иногда и сам терял нить повествования, но дети уже спали, и ничего объяснять не приходилось.

— Спят? — шёпотом спросила Мария.

— Да.

— Иди ложись. Я сейчас закончу с уборкой и тоже пойду.

Мария каждый вечер убирала на кухне так, словно завтра придёт экскурсия или проверка, которая при обнаружении грязи тут же её и закроет. Ксавье это казалось забавным, но он не вмешивался: его дело — поля, её — дом. Никто и никогда не нарушал установленный годами порядок.

Зазвонил телефон.

— Да, — Ксавье взял трубку.

— Дети спят? — спросил Риккардо.

— Только уснули. Нам с тобой нужно серьёзно поговорить о том, как ты объясняешь рабочим, что мы пытаемся экономить. Я сегодня говорил с Ибаем, он мне всё рассказал.

— Папа, я, наверное, не смогу... — Риккардо говорил тихо, едва выговаривая слова.

— Что не сможешь?

— Как ты... не смогу. Рабочие меня не слушают. Я не умею управлять ими, как ты. Я умею работать сам, но говорить другим, что делать, не знаю как. Не могу подобрать слова. Вроде и понимаю, что нужно сказать, но как только начинаю говорить, всё тут же забываю.

— Перестань. Ты же мужчина, ты должен быть сильным. Твоё слово — закон. А ты тут устроил такое. Ты ещё мне заплачь. Всё получится. Ты и только ты должен продолжить моё дело. Что будет, когда меня не станет? Кто всем этим управлять будет? Ответь мне! Мы что, продадим поля, потому что ты не смог найти правильных слов для рабочих? Ты это брось. Наберись терпения, и опыт придёт.

— Я не знаю... Мне кажется...

— Хватит раскисать, соберись! — резко оборвал его Ксавье. — Довольно мне слушать эти разговоры.

— Дети ещё побудут у вас? Я хочу завтра Эстеле сделать сюрприз. Тебе мама рассказала, что у нас всё непросто с ней?

— Конечно, побудут, — Ксавье намеренно ответил только на первую часть вопроса, вторую оставил без внимания. Честно говоря, он не сильно верил, что у них всё наладится, но вслух такого никогда не говорил — ни Риккардо, ни тем более Марии. Ксавье не верил и в то, что сын станет его преемником. Сколько он на него ни смотрел — нет, не то. Нет у него такой наглости и напора. Если не дано от природы, от земли, то и не будет никогда. Можно давать обещания, что постараться, но это только слова.

«Господи...» — Ксавье взялся рукой за голову. В руке оказалась телефонная трубка: разговор с сыном закончился, а он и не понял даже, настолько сильно эти мысли опять завладели его сознанием.

За окном уже стемнело. Ксавье аккуратно, стараясь не попасться на глаза жене, вышел во двор через заднюю дверь. Мария мыла посуду и напевала что-то весёлое себе под нос — она бы и не заметила, даже если бы он прошёл за её спиной, настолько была увлечена своей работой.

Тихо, как кот, крадущийся за жертвой, Ксавье прошёл по тускло освещённому двору и подошёл к сараю. Открыл дверь, точно попав рукой по клавише выключателя, зажёл свет. Достав самый нижний ящик, поставил его на верстак и на секунду задумался, глядя на старые книги. Вытащил одну из середины, открыл и начал листать. На полях книга была вся исписана комментариями и замечаниями. Ксавье читал именно эти каракули. Страница за страницей — и на его лице сначала появилась лёгкая злость, потом приоткрылся рот, и Ксавье, словно злой пёс, показал зубы. Наконец он с силой бросил книгу на пол. — Чёртов идиот, псих! Как я мог во всё это верить? — сам себе сказал он со злостью.

Постояв в оцепенении несколько минут, Ксавье медленно подошёл, наклонился, поднял книгу с пола и поставил обратно в ящик. Что это была за книга, он никогда и никому не рассказывал. Но теперь каждый раз, когда он читал эти каракули на полях, в нём всё больше закипала ярость, и однажды ему захотелось сжечь все эти книги. Но Мария помешала: зашла в сарай, и он не сжёг. Хотя книги вызывали в нём какую-то старую боль или тревогу, которую он и сам себе не мог объяснить. Он не мог их ни читать, ни уничтожить. Они держала его в своём плену, словно старая и ржавая цепь, которая обвивала шею не давая двигаться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.